
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Владимир ВОРОНЦОВ

кандидат технических наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных исследований. Казанский институт евразийских и международных исследований. 420139, Российская Федерация, г. Казань, ул. Сафиуллина, д. 50А, оф. 137; e-mail: vorontsov.vladimir2010@yandex.ru

ПРИРОДА ПЕРВОЙ МАСКИ И ЕЁ РОЛЬ В АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ

Статья посвящена выяснению природы одного из важнейших феноменов человеческой культуры – маски. Полифункциональность маски и её связь с предельно архаичными формами сознания затрудняют осмысление её истоков, а также её роли в психогенезе, социогенезе, культуругенезе, однако основную проблему создают чисто методологические прегрешения, допускаемые исследователями при изучении истоков базовых феноменов человеческой культуры. Ошибочные методологические установки инициируют попытки искать эти истоки вне материнских рук, которые являются колыбелью человечества, исходной культурной средой. Комплексное изучение истоков человеческого бытия, исходной культурной среды позволили пролить свет на первую маску, на истоки её осмысленного использования, на традиционные методы введения её в культуру, а также на членов животного сообщества, которые первыми начали практиковать её осмысленное использование. Проведённые исследования позволяют говорить о фундаментальной роли исходной маски в антропосоциокультуругенезе.

Ключевые слова: маска, исходная маска, человеческое бытие, культуругенез, психогенез, социогенез, ручное мышление, язык жестов, моделирующие системы, трудовая концепция

По замечанию Вяч. Вс. Иванова, «способность к изготовлению и применению маски или ее аналогов может быть признана одним из универсальных человеческих свойств» [16, с. 334]. Французский философ и социолог Р. Кайуа повсеместное использование масок в первобытные времена называет «одной из главных загадок этнографии» [17, с. 107]. Предпринимаемые с давних пор попытки разгадать эту загадку не теряют своей актуальности. Маска как язык, а также аналогичные формы невербальной коммуникации рассматриваются в трудах Р. Барта, Ж. Батая, Н.С. Блендовой, Л.Б. Вишняцкого, Я.Э. Голосовкера, Ж. Деррида, Вяч.Вс. Иванова, Э. Кассирера, В.В. Красных, К. Леви-Стросса, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, У. Морриса, Б.Г. Малиновского, М. Мосса, А.М. Пятигорского, И. Смирнова, Е.Г. Тихомировой, В.У. Тэрнера, Л.В. Уварова, О.М. Фрейденберг, Я.А. Шера, У. Эко, М. Элиаде. Философско-эстетическое рассмотрение природы маски связано с трудами Б. Алперса, А. Арто, А. Белого, Г.Н. Бояджиева, Б. Брехта, Е. Вахтангова, О.А. Горелова, А.А. Громько, А.Ф. Еремеева, Л.А. Закса, С.К. Кузнецова, С.Н. Рудницкого, А. Сазанова, К.А. Свасьяна, П.А. Флоренского, В. Шкловского, Р. Штернера, В.Э. Мейерхольда, С. Эйзенштейна. Историко-этнографический подход характерен для трудов А.Д. Авдеева, В. Вятича, Э. Дюркгейма, Л.М. Иевлева, Л. Леви-Брюля, К. Миклошевского, В.Б. Мириманова, Л.Г. Моргана, С.С. Мочульского, Э. Тайлора, Дж. Фрэзера. В работах Н.А. Автухович, М. Дуглас, С.Ф. Карабановой, А.С. Костомарова, Л.С. Лихачевой, Л.А. Мельниковой, М. Оссовской маска рассматривается через призму аксиологии и имиджа.

Обилие работ и подходов не привело к выработке общепринятого взгляда на природу первой маски, на её роль в антропосоциокультурогенезе. Выработка такого взгляда предполагает решение целого комплекса фундаментальных проблем, которые возникают уже при попытках конкретизировать сам термин «маска». Дело в том, что маски использовались для разных целей уже в очень отдалённые эпохи, причём сами эти цели зачастую представляют загадку для исследователей. Так, например, в первобытных обществах маски широко применяются в различного рода обрядах, связанных с верой в духов и тотемизмом. Истоки этих верований не менее загадочны, чем истоки маски. В традиционных обществах существует целая индустрия по изготовлению масок для совершения обрядовых религиозных театрализованных действий. Издревле было принято делать маски из слепков, снятых с лица умерших. Известны погребальные маски, изготовленные из золота и других материалов. Широко использовалась маска и в ритуалах, связанных с изгнанием злых духов. Может показаться, что именно полифункциональность маски, а также её изначальная связь с архаичными формами сознания, духовных практик предельно затрудняют осмысление её исходной формы и изначальных функций, однако есть весомые аргументы для утверждения, что основные проблемы создают чисто методологические прегрешения,

которые допускаются при исследовании истоков самых различных феноменов человеческой культуры, включая истоки семиотических (моделирующих) систем: маски, языка, сказки, мифа, обряда и т. д.

Методологический тупик, связанный с осмыслением человеческих древностей

Термин «археология» известен со времён Платона, однако до сих пор исходный культурный слой, исходные орудийная и транспортная системы, исходное материальное производство оказываются вне поля зрения археологов. Общим для представителей всех археологических школ является то, что они полностью игнорируют предметы, орудия труда, транспорт, жилища, утварь, порождённые руками без привлечения посторонних материалов и имеющие рефлекторные, предельно архаичные формы. Пренебрежение этими формами приводит к тому, что сверхъестественное для цивилизованного человека кажется противоестественным. Это исключает осмысление традиционных учений, лишает человечество исторической памяти, понимания того, что подлинны человеческие древности, снасти, ценности, как и подлинная человеческая культура, неотделимы от человека. Слова «орган», «органон» означают орудие, инструмент. Отрицая существование чудесных разумных самодвижущихся орудий (людей), выдавая содержимое выгребных ям за подлинны человеческие снасти, ценности, древности, псевдоархеологи лишают человека самооценности, самосознания, придают исторической науке ярко выраженную антигуманную, антибиологическую (антижизненную) направленность. «Наиболее опасным заблуждением цивилизованного человечества является слепая вера в то, что можно безнаказанно принижать человеческую конституцию, биологию, медицину, подменять гуманизм гуманитаризмом – культом придуманных благ» [11, с. 14]. Этот культ сделал прошедший век воистину жестоким веком и поставил человечество на грань выживания.

Руку человека Аристотель с полным основанием рассматривал в качестве «орудия орудий». Древнеримский философ Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей» писал: «Древним оружием людей были руки, ногти и зубы». Учсть столь давние и глубокие прозрения философов археологи не спешат, хотя, игнорируя первообраз, можно сколь угодно заблуждаться относительно природы подлинных человеческих ценностей и древностей. Наблюдая за человеческими руками, можно делать важные археологические открытия. Такое открытие в своё время сделал Диоген, наблюдая за рукой человека, рефлекторно утоляющего жажду. Диоген поспешил не только избавиться от кружки, отягощавшей его суму, но и поделился сделанным открытием с товарищем, с гордостью

написав ему: «Как могущественна природа, которой мы, служа спасению людей, снова возвращаем её значение, хотя люди, исходя из ложных убеждений, выбрасывают её вон из жизни» [15, с. 220].

В работах [2–13] автора данной статьи впервые было показано, что руки матери являются не только «орудием орудий», но и «колыбелью человечества», «исходной культурной средой», «исходным культурным слоем», с которым связаны исходная знаковая система (язык жестов), исходный мыслительный процесс (ручное мышление) и множество других феноменов человеческой культуры. Игнорируя этот культурный слой, можно глубоко заблуждаться по поводу человеческих древностей и ценностей. Подобного рода заблуждения привели к господству анти-историзма в широком комплексе наук, призванных изучать культуру человека, а не «культуру камня, бронзы, железа». Необходимость преодоления механицизма, технократизма путём учёта жизненных истоков человеческого бытия, человеческой культуры начинает осознаваться всё большим числом исследователей. Не следует удивляться тому, что интерес к человеческой телесности, техникам тела, семантике тела проявляет всё большее число философов, социологов, культурологов, психологов, этнографов: А.А. Акишина, Р. Баракат, Р. Барт, Р. Бирдвистел, Д. Блертон-Джоунз, М. Богутская, Д. Болинджер, М.Л. Бутовская, А.А. Вежбицкая, В.П. Визгин, З.М. Волоцкая, И. Горелов, К. Джиббинс, В. Енгальчев, А. Кендон, М. Кнапп, Г.В. Колшанский, Г.Е. Крейдлин, К. Крейдер, А. Лоуэн, С.А. Лохов, Д. Моррис, Т.М. Николаева, В.А. Подорога, Р. Розенталь, О.К. Румянцев, Д.М. Сегал, У. Уайт, Е. Холл, С.С. Хоружий, С.В. Чебанов и др. Идею «антропологического поворота» в философии обосновал П.С. Гуревич [14].

Выход из методологического тупика и выяснение природы исходной маски

Если последовать заветам мудрого Диогена, ратовавшего за возвращение природе её исконного значения, то можно без проблем продемонстрировать не только природную миску, но и природную маску. В живой природе, следует заметить, маскировка широко распространена. Мимикрии посвящено невообразимое количество работ. Животными используются самые разнообразные маски, техники маскировки. Так, например, белый медведь, приближаясь к тюленям или нерпам, лапой прикрывает свой нос, который выделяется на белом снегу. Человек не лишён естественной маски подобного рода, посредством которой он скрывает краску стыда и т. д. Естественной маской он зачастую пользуется чисто механически: прикрывая ею лицо, глаза от ветра, пыли, яркого света. Это свидетельствует о глубокой древности естественной маски, функции которой не

поддаются перечислению. Обращение к истокам, к подлинной древности разрушает противопоставление натурального и рукотворного. Так, например, натуральная маска является рукотворной. Мы полагаем, что именно она послужила прототипом других архаичных рукотворных масок, созданных с использованием внешних для человека материалов.

К основным видам архаических масок известный французский этнолог, социолог, философ и культуролог К. Леви-Строс относит маски духа (в том числе демона болезни), предка, тайного союза, охотничью, тотемную. В эту классификацию он включает и рисунки на лице. По его мнению, они отличаются от обычных масок лишь по форме, но не по назначению. Как те, так и другие обслуживают родовую и индивидуальную идентичность: «Узор действительно сделан на лице, но в другом смысле само лицо предназначено для узора, поскольку только благодаря ему и только через его посредство оно приобретает свое социальное достоинство и мистическое значение. Узор задуман для лица, но само “лицо” существует только благодаря узору» [18, с. 274].

Состояние нашего духа натуральная маска символизирует самым естественным образом. Она позволяет наиболее красноречиво выражать боль, обиду, ненависть, страх, восторг, любовь, стыд, преклонение, почтение, почитание и т. д. Когда звуковая речь не убеждает, когда не хватает слов, мы чисто машинально прибегаем к натуральной маске. «Наложение рук на себя» может выступать в качестве маски смерти и символизировать смерть. Посредством наложения рук на себя мы демонстрируем и больные органы. Это даёт основание утверждать, что именно натуральная маска послужила прототипом искусственных масок духов, а также демонов, демонстрирующих болезни.

Натуральная маска имеет самое непосредственное отношение к мифическим предкам человека, которые зачастую имеют зооантропную природу. Тотемные предки обычно рассматриваются как существа, принципиально отличные от ныне существующих животных, носящих названия, сходные с тотемными животными. Подлинные тотемы имеют общую с человеком кровь. Они являются одновременно и людьми, и животными. Иногда в качестве тотемов выступают растения, предметы, которые принципиально не отличаются от человека или животного. Они могут перемещаться, говорить, воспитывать, защищать. Натуральная маска хранит образы тотемных предков и пять пальцев на материнской руке позволяют увидеть первого патера. «Эти звероподобные патеры, пятерни, патроны заботились о детях в те времена, когда самцы абсолютно не участвовали в воспитательном процессе, и вся забота о детях лежала на плечах самок» [9, с. 173]. Пясти (пасти) тотемных существ способны продемонстрировать не только напасти (зверскую боль, зверский холод, зверский голод), но и отеческую заботу. «За нас они делают буквально всё. Они породили представления о животных-предках, звероподобных родителях, учителях, спасителях, чудо-вещях,

чудовищах и т. д.» [9, с. 172]. Очевидно, что тотемные животные одной с нами крови. В изначальном языке жестов именно они выступали в качестве обозначающих, а ботанические и зоологические виды – в качестве обозначаемых. С мифическими, сказочными животными, с их языком человек знакомится с первых дней своей жизни. Для младенца коза – это материнская рука, которая бодает его, кормит, учит казать (сказывать).

Наши пальцы (палицы, палки), кисти-кусты могут выполнять роль маски, поэтому в мифах, сказках лица разного пола могут вольно или невольно (от горя, боли, обиды и т. д.) **оборачиваться в растения**. В мифах, сказках растения чувствуют, говорят, предсказывают, требуют, выполняют разные поручения. По вполне объяснимым причинам чудесные растения могут (наряду с чудесными животными, чудо-вещами) исполнять роль родителей, тотемных предков, божеств.

Материнские руки-тотемы изначально выступали в качестве семейного гнезда, символа братства, а также в качестве первых защитников этого братства, этого гнезда. Вполне объясним тот факт, что не только семейные союзы, но и тайные союзы обзавелись подобной символикой.

Рука способна пролить свет и на истоки живописных масок. Следует заметить, что именно археология даёт заведомо искажённые представления об истоках орнамента, живописи, первых кистях, красителях. «В высшей степени наивно рассматривать охру в качестве исходного красителя. Она издревле использовалась для замены древнейшего человеческого красителя – крови. С помощью крови и естественной кисти (на руке) можно получить очень яркие и запоминающиеся образы, которым может действительно приписываться древность» [9, с. 111–112]. Рука, прикрывающая рану, может чисто рефлекторно породить орнамент, образы тотемных существ, растений, предметов. Всё это свидетельствует о глубокой древности подобного рода масок, которые до сих пор наносятся на тело первобытными и цивилизованными страдальцами.

Роль исходной маски в психогенезе, социогенезе, культурогенезе

Конкретизация изначальной маски, изначальных её функций не проливает свет на истоки её осмысленного использования, на традиционные методы введения её в культуру, на членов животного сообщества, начавших практиковать осмысленное использование естественной маски. Комплексное решение проблем, связанных с выяснением роли маски в психогенезе, в становлении культурного социума – общества, а также других феноменов человеческой культуры (медицины, костюма, кухни, архитектуры, исходного языка, сказки, мифа и т. д.) возможно только в рамках общей теории антропосоциокультурогенеза.

В настоящее время общепринятая теория антропосоциокультурогенеза отсутствует. Традиционно освещение антропосоциокультурогенеза осуществлялось в рамках религиозных доктрин, в которых детально освещены начальные времена человеческого бытия, а также первопредки – податели всех благ, носители Святого Духа (родительского чувства). Согласно древним учениям, именно эти первопредки воспроизводят колыбель человечества – разумный мир, в котором не надо трудиться. Они также обеспечивают изначальную социализацию, инкультурацию младенцев на отрезке жизни, который называется золотым веком. Именно с золотым веком, с пребыванием человека в идеальном, разумном, интеллигентном мире связывают древние учения истоки психогенеза, социогенеза, культурогенеза. Мистического в этом ничего нет. Инстинкт подсказывает матери, что человеком её ребёнок должен стать до того, как он сделает первый самостоятельный шаг, возьмёт в руки вилку или палку-копалку и, не дай Бог, лишит себя или ближнего глаз. Забота не о механических орудиях, а забота о здоровье потомства побуждает мать культивировать сочувствие, сострадание, сознание. Эта забота породила и педагогику, и медицину, и кухню, и костюм, и архитектуру. Перечислить всё, что породила забота о потомстве, не представляется возможным.

Традиционно в науке о природе человека, общества, культуры доминируют учения, которые игнорируют духовный фактор, исходную культурную среду, золотой век. Так, например, со второй половины XIX в. получают распространение учения о природе человека и общества, приписывающие не духовному фактору (родительскому чувству), не культурной среде, а дикой природе и естественному отбору социализирующие и культурологические потенции и интенции. Многие особенности социальной и культурной эволюции первобытного человека, в частности формирование сознания и языка, не получили однозначного объяснения в рамках этих учений, что способствовало утверждению механистического взгляда на антропосоциогенез. В рамках такого подхода наибольшее распространение получила орудийно-трудовая концепция антропосоциокультурогенеза, согласно которой психогенез, социогенез, культурогенез являются эпифеноменами процессов, связанных с фабрикацией механических орудий. Между тем заботой о механических орудиях невозможно объяснить происхождение сочувствия, сострадания, медицины, кухни, костюма, архитектуры и других базовых феноменов человеческой культуры, порождённых заботой о человеке.

Новые открытия говорят о том, что прямохождение, увеличение размеров мозга и другие «человеческие» признаки возникли за несколько миллионов лет до начала фабрикации искусственных орудийных систем. Орудийно-трудовая теория вошла в непримиримый конфликт и с учением о социогенезе, поскольку «однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в

отдельных случаях и камнем. Археологическая периодизация лишилась общего признания» [1, с. 8]. Всё это привело к тому, что крайне негативно начинают восприниматься не только трудовая теория антропосоциогенеза, но и сама антропология с её абсолютной бездуховностью. К. Леви-Строс констатирует, что среди «народов растёт противодействие антропологическим исследованиям», что народы «решительно враждебны антропологии по психологическим и этическим соображениям» [19, с. 34].

Заполнить идеологический вакуум, который порождён отсутствием убедительных учений о природе человека, общества, культуры, призвана генерализованная и генерализующая трудовая концепция антропосоциогенеза, обоснование и потенции которой отражены в работах [2–13]. Эта концепция позволяет согласовать традиционные учения о природе человека, общества, культуры с новейшими научными данными и ввести в научный оборот практически неисчерпаемый ресурс фактов, связанных с предысторией человека, общества, культуры. Предложенная концепция, рассматривающая духовный фактор (родительский инстинкт) в качестве движущей силы антропосоциокультурогенеза, а родительскую заботу – в качестве генеральной формы трудовой деятельности, породившей воспитательный процесс, культуру, культурный социум (общество), позволяет комплексно решить и широкий круг проблем, связанных с природой маски, её ролью в антропосоциокультурогенезе.

Уход за младенцами, которые так не похожи на смышлёных и ловких детёнышей других приматов, позволяет соотнести его «с уходом за больными, а исходные формы воспитания – с лечением, позволяющим преодолеть крайнюю умственную неполноценность» [11, с. 20]. Историки медицины, которая, по мнению И. Павлова, «ровесница первого человека», с полным основанием считают, что первыми врачевателями были матери. В работах [2; 11] обоснована необходимость связать истоки разумной, целесообразной деятельности с целительством. Врачевание – это не obtёсывание камня, не механический, отупляющий, озверяющий труд. Оно требует сочувствия, сознания, развитой системы понятий, языка, способного отразить тончайшие переживания, а также функционирование предельно сложных систем. В работе [4] предложено рассматривать в качестве универсального общечеловеческого исходного языка систему жестов, вызванную болезненными процессами, протекающими в организме, которая была введена в культуру в диагностических целях и сыграла фундаментальную роль в становлении других семиотических систем. Сознательное воспроизводство естественных **реакций** организма позволило нашим предками впервые говорить (прасл. *Rekti* – ‘говорить’) сознательно и понимать **изрекаемое** без предварительной договорённости.

Естественные **лики**, **личины** из пальцев, накладываемые на тело пациента в качестве паллиатива, дали названия и **лиху**, и **лишениям**, и **лекарствам**, и **лечению**, поскольку являются не только семиотическим,

но и терапевтическим средством. О тесной связи медицинской семиотики, целительства с языком, речью свидетельствуют самые разные языки. Так, например, в татарском языке слово *им* – ‘лекарство’, ‘целительное средство’, ‘заговор’, ‘заклинание’ [19, с. 167]. В санскрите связь гаданий, речи с болезнью отражена предельно ярко: I *gada* – 1) речь, разговор; 2) изречение. II *gada* – болезнь, недуг [16, с. 188].

Личины породили представление о **величинах**, счёте и т. д. Исследование естественной маски позволило установить, что человеческая природа говорит на языке математики [10]. Трудно переоценить роль математики в жизни социумов. Например, расшифровка танцев пчёл показала, что в них закодирована геометрическая информация. Благодаря этой информации естественный социум оказывается способным консолидировать усилия своих членов в нужном месте с математической точностью. Нет оснований допускать, что в жизни человеческого общества геометрия менее актуальна, а также полагать, что телесность приматов менее приспособлена для передачи геометрической информации, чем телесность пчёл. Наша конституция позволяет производить измерения и строить геометрические модели разного уровня сложности чисто механически. Так, например, при переносе охапки дров или таза с водой наши руки независимо от нашего сознания измеряют, воспроизводят и манифестируют размеры этих объектов. Сильная боль побуждает нас рефлекторно сетовать: наносить координатную или мерную сетку из пальцев рук на болезненное место, чтобы умерить боль. Рефлекторно умеряя боль, мы так же рефлекторно определяем эпицентр боли, её границы, размеры. Естественное мерило, естественная маска («мурло») из пальцев, которые наносятся на рану, крайне актуальны при констатации истоков не только протогометрии, но и прототерапии, протодиагностики, протомаски. Прототерапия, протодиагностика, протомаска бесконечно архаичнее «каменной индустрии», поскольку имеют рефлекторные формы. Следует заметить, что латинский глагол *medico* (‘лечу’, ‘исцеляю’) в своей основе имеет праиндоевропейский корень **med* (измерять). Всё это свидетельствует о неразрывной связи между становлением сознательной заботы о здоровье и становлением математики. Задолго до приобщения к звуковому языку, к производству орудий детей учат сознательно сетовать, мерить, намереваться, думать, показывать размеры («вот такой ширины, вот такой ужины»). В традиционных обществах 6–7-летние дети сами становятся воспитателями, поскольку их потенции позволяют заботиться о младших членах общества. Всё это актуализует попытки связывать истоки математики, истоки сознания с заботой о человеке, а не с заботой о камне, бронзе, железе.

Естественная координатная или мерная сетка позволяет умерять боль, размечать свой стан и моделировать психические состояния (первую сигнальную систему) даже маленьким детям. Прижатые к больному месту руки (греч. χεῖρ ‘рука’) проливают свет на происхождение таких

слов, как *хиреть*, *захиреть*. Руки способны обозначить и конкретный орган (нем. *Herz* 'сердце'), причём без использования звукового языка. Абстрактные, но предельно наглядные и понятные геометрические модели играют предельно актуальную роль уже на исходной ступени социализации и инкультурации младенцев. Мать испытывает огромное облегчение, когда её чадо начинает сознательно обозначать беспокоящие его органы, демонстрировать чувства, желания посредством жестов, а также понимать состояния матери, вызванные тем или иным его поступком, теми или иными обстоятельствами. Маска – исходная координатная система – имеет основополагающее значение при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности, поэтому глубоко ошибочны попытки связывать первоначальное применение координат с астрономией и географией, а не с описанием наших внутренних состояний и нашей телесности. Истоки нумерации также связаны с естественной мерной сетью, с протомаской.

Процесс введения маски в культуру

Факты свидетельствуют, что процесс приобщения ребёнка к сознательной заботе о здоровье начинается задолго до того, как ребёнок освоит звуковой язык и научится ходить. Этот процесс **АБСОЛЮТНО** не изучен исследователями, хотя именно он позволяет осмыслить истоки математики, медицины, архитектуры, маски, костюма, языка, сказки, мифа и великого множества других феноменов культуры.

Традиционно ведущую роль в процессе приобщения младенца к сознательной заботе о здоровье играет мать. Именно мать практически с первых дней приучает ребёнка пользоваться осмысленно рукотворной маской – естественной координатной системой, естественной сетью категорий, позволяющей осмысленно сетовать, а также сочувствовать, сострадать, сознать, постигать существенные внутренние проблемы, связанные с функционированием организма.

В процессе приобщения младенца к рукотворной координатной системе (лику, личине), к рукотворным построениям, символизирующим настроения, можно выделить шесть последовательных этапов, играющих основополагающую роль в становлении таких осмысленных форм заботы о здоровье, как медицина, архитектура, костюм. Именно этот процесс, осуществляемый изначально посредством жестов, следует считать подлинной сказкой (показом), которая лежит в основе звуковой сказки, мифа, обряда, искусства и т. д.

На первом этапе приобщения к маске мать просто закрывает своё лицо руками, а потом открывает к великой радости младенца. Аналогичные операции она продельывает и с руками ребёнка: «полетели-полетели, на головку сели».

Второй этап протекает в форме игры в прятки («тю-тю»): мать закрывает лицо руками и побуждает ребёнка отыскивать его под рукотворной маской, рукотворной постройкой.

На третьем этапе мать посредством рукотворной геометрической структуры (маски, чары, личины, постройки) начинает моделировать свои внутренние состояния, настроения: боль, обиду, мёртвый сон, смерть, а также побуждает ребёнка вступать в силовую борьбу с её пастями («пастями»), горстями, символизирующими напасти, горести, смерть, злые чары, обидчиков, похитителей, поглотителей, людоедов, великанов, богов, злых духов и т. д. Успешное освобождение материнского лица от чудовищ, злых чар, похитителей, поглотителей, победа молодых героев над старыми божествами, разрушение застенков, крепостей сопровождается бурным восторгом матерей и чувством маленьких героев. Этот восторг вызван пониманием того, что в младенце пробудился человек, что ребёнок способен понимать её состояния, а также сочувствовать ей. Все молодецкие («малодетские») подвиги подобного рода детально отражены в сказках, мифах, обрядах [7; 9].

На четвёртом этапе мать посредством маски начинает манифестировать ребёнку связь между её внутренними состояниями и окружающей действительностью. Это позволяет приобщить ребёнка к технике безопасности, к социальным нормам поведения, а также к умению не только понимать, но и выражать свои внутренние состояния посредством геометрических структур.

На пятом этапе мать, надавливая, толкая элементы маски страдающего ребёнка, показывает, каким образом, используя естественную координатную или мерную сеть, можно определить эпицентр боли, её границы, а также размеры поражённого участка у пациента. Её болезненные толчки учат ребёнка «понимать толк», осмысленно «толковать». Очевидно, что «стать толковым» можно и без усвоения звукового языка, который не столь содержателен и актуален, как язык геометрии, язык масок.

На шестом этапе происходит оцифровка маски – естественных геометрических структур, рукотворных построек посредством пальцевых игр, пальцевого и звукового счёта. В ходе этих игр ребёнок учится описывать и воспроизводить самые разные рукотворные конструкции, самые разные помещения посредством языка жестов, а также посредством звукового (без-образного, бес-толкового) языка, который никогда не заменит образный язык геометрии, породивший арифметику, язык медицины, язык архитектуры, язык костюма.

Очевидно, что ребёнок в процессе приобщения его к геометрическому моделированию своих внутренних состояний постигает «архитектуру мысли», «архитектуру чувств», учится выражать настроения (боль, страх, стыд, радость и т. д.) посредством соответствующих рукотворных масок, покрытий, укрытий. Всё это имеет самое непосредственное отношение к генезису пантомимы, театра, архитектуры и т. д. Изучение

маски даёт возможность решить широкий круг проблем, связанных с генезисом моделирующих систем, а также пролить свет на истоки мыслительного процесса, культуры чувств.

Заключение

Генерализованная трудовая теория антропосоциокультурогенеза, ориентирующая исследователей человеческих древностей на углублённое изучение роли материнских рук, позволяет выявить на исходную натуральную и вместе с тем рукотворную маску. Именно эта маска, которая изначально ассоциировалась с состоянием духа, с тотемными предками, послужила прототипом самых различных искусственных масок духов, предков, тотемов, животных. Комплексное изучение истоков человеческого бытия, исходной культурной среды даёт возможность прояснить истоки осмысленного использования первой маски, а также конкретизировать традиционные методы введения её в культуру и членов животного сообщества, которые первыми начали практиковать её осмысленное использование. Проведённые исследования позволяют говорить о фундаментальной роли исходной маски в антропосоциокультурогенезе.

Список литературы

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. 351 с.
2. Воронцов В.А. К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1994. С. 47–48.
3. Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. Казань: Интелпресс, 2008. 212 с.
4. Воронцов В.А. Природа языка и мифа. Казань: Интелпресс, 2008. 473 с.
5. Воронцов В.А. О природе вещей и педагогической археологии. Казань: Intelpress+, 2009. 235 с.
6. Воронцов В.А. Мировоззрение «золотого века» и его истоки // Философия и общество. 2010. № 3. С. 130–148.
7. Воронцов В.А. Подлинные истоки волшебной сказки. Казань: Intelpress+, 2011. 268 с.
8. Воронцов В.А. К вопросу о движущих силах антропо-социо-культурогенеза // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 136–140.
9. Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социокультурогенеза. Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. 415 с.
10. Воронцов В.А. Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. 252 с.
11. Воронцов В.А. Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. Казань: Центр инновационных исследований, 2015. 264 с.

12. *Воронцов В.А.* Истоки протоархитектуры в свете генерализованной трудовой концепции антропосоциокультурогенеза. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 284 с.

13. *Воронцов В.А.* Антропосоциокультурогенез в свете генерализующей теории // *Философская антропология*. 2016. Т. 2. № 1. С. 23–41. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2016_1/23%E2%80%9341.pdf (дата обращения: 05.05.2017).

14. *Гуревич П.С.* Философия человека: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИНФРАН, 1999. 221 с.

15. *Диоген*. Кратегу // *Антология кинизма*. М.: Наука, 1984. С. 219–220.

16. *Иванов Вяч.Вс.* Маска как элемент культуры // *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 333–344.

17. *Кайуа Р.* Игры и люди. Маска и головокружение // *Кайуа Р.* Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. С. 31–204.

18. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов / Ред. В.И. Кольянов. 3-е изд. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005. 499 с.

19. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.

20. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО Пресс, 2001. 512 с.

21. Татарско-русский словарь: около 38 000 слов / Сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. М.: Советская энциклопедия, 1966. 862 с.

SCIENCES OF MAN

Vladimir VORONTSOV

Ph. D in Technical Sciences, Senior research fellow, Sector of Humanitarian Studies, Kazan Institute of Eurasian and International Studies. 420139, Russian Federation, Kazan, ul.Safiullina, d. 50A, of. 137; e-mail: vorontsov.vladimir2010@yandex.ru

THE NATURE OF THE FIRST MASK AND ITS ROLE IN ANTHROPO-SOCIO- CULTURAL-GENESIS

The article is devoted to elucidation of the nature of one of the most important phenomena of human culture. The multifunctional mask and its relationship with an extremely archaic forms of consciousness and religious rituals not only actualize but also make extremely difficult understanding of its origins and its role in the psychogenesis, sociogenesis, cultural genesis. A lot of the problems are purely methodological lapses, which initiate attempts to search for human antiquity outside of man, outside of the mother's hands, that are the cradle of humanity, the original cultural environment, as well as a natural mask, which functions are not amenable to enumeration.

Studies have shown that meaningful use of the first mask generated by the maternal instinct that caused meaningful health care of infants, which aren't similar to the nimble and the clever young of other primates. Historians of medicine, which, according to Pavlov, "is the same age as the first man", justifiably believe that the first healers were mothers. Healing is not cutting of stone, is not mechanical work. It requires empathy, consciousness, and developed system of concepts, of language that can reflect the delicate feelings, and functioning of extremely complex systems. There is every reason to consider as an universal initial language a system of gestures caused by painful processes in the body, which was introduced in the culture for diagnostic purposes and has played a fundamental role in the development of other semiotic systems. Conscious reproduction of the natural reactions of the body through natural masks allowed our ancestors for the first time consciously share significant inner problems. Natural face masks from your fingers imposed on the patient's body as a palliative gave rise to ideas about woe, deprivations, drugs

and treatment because they were not only semiotic, but also therapeutic tool. Meaningful use of the first mask has played a fundamental role in the development of medical semiotics, medical topography, hygiene, therapy, but also brought to life the beliefs in spirits of disease, demons of death, in afterlife, lycanthropy, sorcery, witchcraft, fetishism, magic, etc.

The ideas about anthropomorphic creatures that gave rise to theriotheism, totemism connected with the first mask. The fact that bestial metacarpuses (mouthes) of mother's hands not only allow you to manifest different kind of misfortunes, of brutal pain, but also to cherish the baby. Fabulous and mythic creatures initially care about us and introduce us to the language of wonderful animals and birds, the language of gestures, masks.

The natural mask has allowed to establish that human nature speaks the language of mathematics, that mathematics is natural, the first and main language of *homo sapiens*. Our stature allows us to measure and build geometric models of different level of complexity purely mechanical. For example, when transferring armloads of firewood or bucket of water our hands regardless of our consciousness measure, reproduce and manifest the sizes of these objects. Severe pain makes us reflexively lament: apply dimensional or coordinate grid of fingers on the sore spot to reduce the pain. When relieving instinctively pain we also instinctively determine the epicentre of the pain, its boundaries and size. Natural criterion, natural mask ("mug") from the fingers, which are applied to the body, are extremely relevant when ascertaining the origins of the conscious use of not only geometry, therapy, diagnosis, but also the first mask. Therapy, diagnosis, the mask is infinitely more archaic than "stone industry", because they have natural forms. It should be noted that the Latin verb *medico* ('treat', 'heal') has proto-Indo-European root **med* (to measure). All this testifies to the inextricable link between the emergence of conscious health care and development of mathematics. Long before the initiation of sound language and the production of instruments children are taught to complain consciously, to measure, to mean, to think, to show the size ("such wide, such narrow"). In traditional societies, 6–7-year-old children become caregivers because their capacities allow them to take care of younger members of society. All this actualizes attempts to associate the origins of mathematics, the origins of consciousness with the mask, with the care about the person but not about the stone, bronze and iron. The first mask, the language of mathematics made it possible to describe not only human stature and the surrounding world, but to identify the whole range of human feelings that created the preconditions for their cultivation. Promotion of the ability to perceive the pain of others as one's own made possible the cultivation of human and cultural society.

The study showed that "the first mask" played a fundamental role not only in the cultivation of human, society, but also in the development of various iconic (modelling) systems: pantomime, tattoo, painting, ritual, etc. The origins of audio communication by clicking sounds also associated with the first

mask. The relevance of the first mask encourages to enter it into the culture at the earliest stages of psychogenesis, sociogenesis, cultural genesis. The process of introduction of the first mask in culture is carried out by means of “digital games” of mother and child. This process found a detailed reflection in the fairy tale, the myth, the rite.

There is every reason to say that the process of introduction of the first mask in culture without which we are “as without hands”, is not only extremely archaic, but also is extremely universal phenomenon of human culture, underlying culture of feelings, culture of the cognitive process.

Key words: primary mask, cultural genesis, psychogenesis, sociogenesis, hand thinking, body language, modelling systems

References

1. Alekseev, V.P. & Pershits, A.I. *Istoriya pervobytnogo obshchestva* [History of primitive society]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990. 351 pp. (In Russian)
2. Asadullin, A.Sh., Amirov, G.S. & Baichurova U.Sh. *Tatarsko-russkii slovar': okolo 38.000 slov* [Tatar-Russian dictionary: about 38.000 words]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966. 862 pp. (In Russian)
3. Diogenes. “Kratetu” [To Kratet], *Antologiya kinizma*. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 219–220. (In Russian)
4. Gurevich, P.S. *Filosofiya cheloveka* [Phylosophy of a man], 2 Vols., Vol. 2. Moscow: IF RAN Publ., 1999. 221 pp. (In Russian)
5. Ivanov, Vyach.Vs. “Maska kak element kul'tury” [Mask as an element of culture] in: Ivanov Vyach.Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected Works on Semiotics and Cultural History], Vol. 4, *Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki* [Signed systems of culture, art and science]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, pp. 333–344. (In Russian)
6. Kaiua, R. “Iгры i lyudi. Maska i golovokruzhenie” [Games and people. Mask and dizziness] in: Kaiua R., *Iгры i lyudi; Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Games and people; Articles and essays on the sociology of culture], trans. & ed. S.N. Zenkin. Moscow: OGI Publ., 2007, pp. 31–204. (In Russian)
7. Kochergina, V.A. *Sanskritsko-russkii slovar': okolo 30.000 slov* [Sanskrit-Russian Dictionary: about 30.000 words], ed. V.I. Kol'yanov. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., Al'ma Mater Publ., 2005. 499 pp. (In Russian)
8. Lévi-Strauss, C. *Pervobytnoe myshlenie* [Primitive thinking]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 384 pp. (In Russian)
9. Lévi-Strauss, C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow: EKSMO Press Publ., 2001. 512 pp. (In Russian)
10. Vorontsov, V. *Genezis yazyka, skazki i mifa v kontekste antropo-sotsiokul'turogeneza* [The genesis of the language, fairy tale and myth in the context of anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan: Institute of History Publishing House AS RT Publ., 2012. 415 pp. (In Russian)
11. Vorontsov, V. *Istoki protomeditsiny i ee rol' v antroposotsiokul'turogeneze* [The origins of protomedicine and its role in anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan: Centre of innovation research Publ., 2015. 264 pp. (In Russian)

12. Vorontsov, V. *Podlinnye istoki matematiki i ee rol' v antroposotsiokul'turogeneze* [True origins of mathematics and its role in anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan': Centre for innovative technologies Publ., 2015. 252 pp. (In Russian)

13. Vorontsov, V.A. "Antroposotsiokul'turogenез v svete generalizuyushchei teorii" [Anthropo-socioculturogenesis in the light of the generalizing theory], *Filosofskaya antropologiya*, 2016, Vol. 2, No. 1, pp. 23–41. [http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/phan/2016_1/23%E2%80%9341.pdf, accessed on 05.05.2017]. (In Russian)

14. Vorontsov, V.A. "K voprosu o dvizhushchikh silakh antropo-sotsiokul'turogeneza" [To the question of the driving forces of the anthropo-socio-cultural genre], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2012, No. 1, pp. 136–140. (In Russian)

15. Vorontsov, V.A. "K voprosu obosnovaniya i issledovaniya paleopsikhologii cheloveka" [To the question of substantiation and investigation of human paleopsychology], *Priroda psikhicheskogo: tezisy dokladov*. Perm': Izd-vo Permskogo gos. un-ta Publ., 1994, pp. 47–48. (In Russian)

16. Vorontsov, V.A. "Mirovozzrenie «zolotogo veka» i ego istoki" [The worldview of the "golden age" and its origins], *Filosofiya i obshchestvo*, 2010, No. 3, pp. 130–148. (In Russian)

17. Vorontsov, V.A. *Istoki protoarkhitektury v svete generalizovannoi trudovoi* [The origins of the protoarchitecture in the light of the generalized labor]. Kazan': Centre of innovation research Publ., 2016. 284 pp. (In Russian)

18. Vorontsov, V.A. *O prirode veshchei i pedagogicheskoi arkheologii* [On the nature of things and pedagogical archeology]. Kazan': Intelpress+ Publ., 2009. 235 pp. (In Russian)

19. Vorontsov, V.A. *O teatre volzhskikh bulgar i prirode teatral'nogo iskusstva* [About the theater of the Volga Bulgars and the nature of the theatrical art]. Kazan': Intelpress Publ., 2008. 212 pp. (In Russian)

20. Vorontsov, V.A. *Podlinnye istoki volshebnoi skazki* [The true origins of the fairy tale]. Kazan': Intelpress+ Publ., 2011. 268 pp. (In Russian)

21. Vorontsov, V.A. *Priroda yazyka i mifa* [The nature of language and myth]. Kazan': Intelpress Publ., 2008. 473 pp. (In Russian)